

Поздним вечером я возвращалась с дачи, сонная и страшно уставшая. Все тело болело от полевых работ. Мне хотелось только одного: побыстрее оказаться в мягкой постели. Автобус обогнал меня на светофоре. Сделав последний рывок, я помчалась к остановке, однако водитель, наверное, меня не увидел, поскольку дверь закрылась прямо перед моим носом. Было очень обидно, но сил не осталось даже на то, чтобы топнуть ногой и послать его к черту. Глянув на часы, я тяжело вздохнула, гадая, будет ли следующий или мне придется тащиться пешком.

Джип из первой полосы лихо свернул к остановке, резко затормозив напротив меня. Я ошарашенно замерла. Дверь распахнулась, здоровый детина с перекошенным от злости лицом устремился ко мне. Не успела я моргнуть глазом, как оказалась в его лапах и, несмотря на мое сопротивление, псих бесцеремонно впихнул меня в салон автомобиля.

— Что вы себе позволяете, я в милицию позвоню, — прижав к себе маленькую корзинку с цветами, затрепетала я от страха, когда джип рванул с места.

Парень, не глядя на меня, саркастически расхохотался. — Да что ты говоришь!

— Куда мы едем? — спросила я, дрожа как осиновый лист, дико пялясь по сторонам. Вокруг глухая ночь, поблизости ни души, будто все вымерли, и позвать на помощь некого.

Незнакомец бессовестно проигнорировал мой вопрос, на его лице заиграли желваки, самым неприятным было то, что от него сильно пахло алкоголем. Мне было так страшно, что я боялась на него смотреть.

— Меня муж будет искать! — закричала я в отчаянии, двинув гада по голове цветами. Парень дико вытаращил на меня глаза, машина резко вильнула.

— Муж?! — рявкнул он, недобро щурясь, отряхнулся от прилипших лепестков, его лицо перекосило от злости. — Ну, ты и дрянь! — Псих замахнулся в мою сторону с явным намерением треснуть. Испуганно пискнув, я увернулась. Гад не попал по мне, но намерения стукнуть не оставил. Невзирая на то что машина неслась на бешеною скорости, тип почти не смотрел на дорогу, сосредоточившись на моей персоне.

Громко взвизгнув, я вцепилась в ручку дверцы джипа, желая выйти немедленно, но он захлопнул ее на ходу, на что-то нажал, и замок дверцы за-

крылся автоматически, так что я ничего не могла сделать. В первое мгновение меня сковал страх, а потом пришла отчаянная ярость, я набросилась на незнакомца с тем, что осталось от цветов, и хлестала его что есть мочи, он отмахивался, машину носило по дороге, наконец он не выдержал — выхватив букет, выбросил его в окошко.

— Сиди тихо, если хочешь жить, — процедил он сквозь зубы, дико сверкая глазами, так что я вся сжалась. Это было более чем убедительно. Мне было страшно даже дышать, не то что пошевелиться. Джип несся по городу, а на дороге ни одного гаишника. Через некоторое время бешеной гонки мы свернули к коттеджам. Скрипнув шинами, машина въехала во двор, массивные ворота закрылись за нами автоматически, у меня душа ушла в пятки. Хмурый тип вышел из машины на хорошо освещенный двор, теперь я смогла его рассмотреть. Высокий, массивный, широкоплечий, темно-русые волосы коротко стрижены. У него были злющие синие глаза, небритую рожу украшала свежая ссадина. Он остановился, глядя на меня в упор, упрямо сложив руки на груди, от его тяжелого взгляда по спине бежали крупные мурашки.

— Ну, — сказал он обманчиво спокойно, — выходи, поговорим.

— О чём? — спросила я, комкая носовой платок.

— Что, не о чём? — его губы скривились в недоброй усмешке мне показалось, он опять начал злиться, а я занервничала и вышла. От объявшего

меня страха тело было ватным, нога подвернулась, и я довольно неэстетично упала на четвереньки, корзинка вывалилась из рук. Он был явно впечатлен моим эффектным выходом, слабо поаплодировав, ждал продолжения.

– Не ушиблась?

– Нет, – разозлилась я, уловив сарказм в его голосе, понимая, что единственная пострадавшая часть – это мое чувство собственного достоинства. Парень явно издевался.

Он подошел, с нескрываемым презрением схватил за руку, рывком поднимая на ноги, при этом чуть не вывернул мне плечо. Мы молча пялились друг на друга. Я опустила глаза и опасливо покосилась по сторонам. Вокруг тишина, как на погoste, только заливистое пение цикад. Свет фонарей вырывал из кромешной темноты большой двор, мощенный камнем, чуть дальше – деревья, край ухоженного газона, а дальше все исчезало в темной ночи. Соседний дом находился на приличном расстоянии, так что кричать было бесполезно. Страх постепенно уступил место раздражению, мне хотелось быстрей покончить с этим недоразумением, где-то глубоко зрело любопытство.

– Идем, – позвал незнакомец. Я замешкалась, он грубо подтолкнул меня к дому.

– Я не понимаю, что это все значит, – возмущенно и испуганно пискнула я, снова чувствуя неодолимый прилив страха. Оказавшись в кромешной тьме коридора, я беспомощно выставила

перед собой руки, чтоб не врезаться ни во что, на всякий случай считая шаги. Незнакомец уверенно вел меня, поддерживая под локоть, брезошибочно ориентируясь в темноте.

— Шевелись, — сказал он громко, не опасаясь среди ночи кого-нибудь разбудить, а это значило, что в доме мы были одни и спаси меня, в общем-то, некому. Псих открыл дверь, грубо толкнув меня в комнату, зашел следом, но свет включать не стал. Его манеры меня нервировали до предела. Свет фонаря с крыльца проникал через окна, освещая комнату, так что все предметы имели свое очертание, но истинную суть скрывала ночь. Незнакомец решительно шагнул ко мне.

— Дорогая, я по тебе скучал, — тип больно схватил меня за плечи, привлек к себе и поцеловал. Насиловать меня он не собирался, просто вымешивал злобу. Такого я не ожидала и наотмашь треснула его по лицу, сразу осознав свою ошибку.

— Ой, — испуганно пробормотала я, глядя, как его перекосило. — Я случайно, так всегда, когда... — бессвязно лепетала я в смятении.

Даже в темноте было видно, как он побагровел.

— Сука.

Я думала, он меня прибьет на месте. Замереть у меня не вышло, я мелко задрожала, на глаза навернулись две большущих слезы, весь мир поплыл.

— Объясните мне, в конце концов, что все это значит, я вас не знаю, — горячо взмолилась я, пятясь от него на безопасное расстояние.

— Что же, освежу твою дохлую память, может, у тебя амнезия? Это очень удобно, но не прокатит. — Он скривился, вытащил паспорт из заднего кармана джинсов. — Все просто — ты моя жена.

— Не может быть!

Он открыл паспорт на нужной странице и ткнул мне в лицо.

Я тупо уставилась на штамп, явно свидетельствовавший о замужестве, и на мое имя.

— Что это? — выдохнула я изумленно, переводя взгляд с документа на незнакомца.

Парень внимательно наблюдал за моей реакцией.

— И кто такой этот Глеб? — я растерянно взирала на документ.

— Я, — коротко бросил тип, перевернув страницу туда, где была фотография. Паспорт очень похож на настоящий, но в подлинности я очень сомневалась..

— Это фальшивка, — убедительно заявила я, возвращая документ. — Вообще-то я замужем, не официально, и это никак не вы!

— У Глеба задергался глаз.

— Послушайте, живу на улице Пожарского, восемь.

— Я знаю, — кивнул он. — Жила до замужества.

— Работаю в поликлинике.

— Переулок Терехина, та, что на углу. — Постепенно Глеб выложил мою биографию в подробностях.

Я была в шоке.

— Давай без патетики. Отдай, что взяла, ответь на пару вопросов и иди на все четыре стороны, я забуду про твою неудачную попытку убить меня. Адвокаты уладят все вопросы, даже деньжат отвалию — и скатертью дорога.

Я молчала, не в силах переварить все услышанное. Одним словом — бред.

Он открыл деревянный комод, достал пузатую бутылку, два хрустальных стакана, плеснул в них янтарную жидкость. Один молча протянул мне, другой, не дожидаясь, выпил сам одним глотком.

Я принюхалась и пригубила, как лекарство:

— Фу!

Он поднял бровь:

— Что, не нравится?

— Что это?

— Коньяк французский. — Глеб помолчал. — Значит, амнезия, — озадаченно протянул он, качнув головой. Я поставила стакан.

— Где он?

— Я не знаю, честное слово.

Тип скривился.

— У тебя только один шанс выжить — отдай, что украла. Ты ведь даже не знаешь, что он значит, дура, тебя найдут, обязательно найдут. Когда они найдут, они всерьез возьмутся за меня, а мне это ни к чему. Если ты не скажешь по-хорошему, я все равно узнаю, но будет больно. — Глеб помолчал. — А помнишь, как мы виделись в последний раз?

Последняя фраза не была сентиментальной, в ней сквозила неприкрытая угроза. Я тихо выдохнула и заволновалась.

— Да я вас никогда не видела, и еще бы сто лет не встречать.

— Ну, конечно. — Парень взирал на меня с холодным презрением. — Ладно, — изрек он и налил себе еще выпить, — идем наверх, я тебе напомню.

Я перепугалась, аж голос пропал, а то, наверное, заверещала бы, как сирена.

— Не изображай невинность, тебе не идет. — Глеб подхватил меня, легко перебросив через плечо, понес наверх. Он поднялся на третий этаж, вошел в комнату и кинул меня на широкую кровать, не сказав ни слова, вышел, заперев за собой дверь, его шаги потерялись в тишине дома. Я осталась в полном недоумении, сев на кровати, какое-то время с замиранием сердца прислушивалась к звукам.

На тумбочке возле кровати негромко тикали часы, рядом стоял изящный ночник, я щелкнула выключателем. Мягкий свет окутал спальню, успокаивая. Комната была обставлена со вкусом.

— Бред, — осторожно сказала я своему отражению в полированной спинке кровати. Сдаваться я не собиралась, это все чудовищная ошибка, мало ли, на кого я похожа. У парня явно не все дома. На ум полезли невеселые мысли, что это все разыгрыш, глупый, ну, как в кино. В лучшем случае. А если нет? Маньяк какой-то, наркоман, алкоголик

или просто сумасшедший, кто его разберет? Паспорт, ясное дело, — фальшивка или однофамилица. Раздвоения личности у меня нет, — подытожила я, что касается абсурдных требований отдать то, чего я не брала, об этом я вообще не заморачивалась, твердо понимая одно: надо сматываться, пока не поздно. Прохладный ночной ветер затрепетал легкой шторой, я отодвинула ее пошире, распахнула окошко. Меня порадовало отсутствие решетки, собственно, это решало все.

Звезды густо высыпали в темном небе, мерцая в необъятной летней ночи. Имея неунывающую натуру и твердый характер, я не сдалась и принялась решительно связывать постельное белье тугими узлами, периодически настороженно прислушиваясь, но в доме было тихо. Времени прошло много, даже звездный узор сдвинулся. Дом дышал сном и покоем. Привязав один конец импровизированного каната к ножке кровати, подергала, проверяя его на прочность, и вылезла из окошка. Третий этаж — это мелочь, если так пугают. Веревка кончилась за целый этаж до земли, я растерянно поболталась, нечаянно обронив туфлю на газон, спасибо она упала беззвучно, видимо на траву, потом изловчилась и спрыгнула вниз, удачно минуя розы. Проверила: ноги-руки целы, собрала растрепанные волосы в косу и оглянулась по сторонам, затем поискала руками туфлю, сделав небольшой круг почета по лужайке, нашла утерянную обувку.

— Блин, — одними губами прорычала я и пустилась наутек. Забежав за одну елочку, отышалась, потом за другую, вот, наконец, двухметровый забор. Я остановилась в раздумьях: рыть подкоп или лезть наверх. Глянув на свой маникюр, остановилась на втором варианте. Поскольку карабкаться на высокую гладкую стену я не смогла бы, я забралась на ближайшее дерево и, как гусеница, сползла по ветке на забор, оттуда спрыгнула на другую сторону, почувствовала себя на воле и триумфально припустила бегом.

В четыре утра я добралась домой. Роман спал, сладко посапывая, ни тени беспокойства или тревоги. Наверное, он подумал, что я осталась у подруги на даче.

— Ромка, — я еле растормошила его, — меня украли.

— Ага, — он посмотрел на меня мутным взглядом, потом уронил голову на подушку, досыпая.

— Я бежала.

В ответ муж заливисто всхрапнул.

У меня глаза полезли на лоб, я дико хихикнула и села на пол возле кровати, наблюдая, как занимается алоей зарей посветлевшее на востоке небо. Понятно, спать не хотелось. Я тихонько сидела возле Ромки, облокотившись на диван, невесело думая, что меня связывает с этим храпящим бесчувственным чурбаном. Потом легонько толкнула его в бок, он скривил нос и почмокал губами, словно младенец.

— Ты меня любишь? — я настойчиво потрясла Романа за плечо.

— Отстань, дай поспать, — капризно отмахнулся он и, укрывшись одеялом с головой, отвернулся к стенке.

В последнее время моя жизнь выбилась из привычного ритма, что-то между нами произошло, может, мы устали друг от друга. Ромка стал часто задерживаться в офисе, мотивируя это тем, что много работы, и мне все чаще приходилось оставаться одной. Я грустно вздохнула, уронив голову на руки. Мне так хотелось рассказать мужу, что произошло этой ночью, во всех подробностях и услышать в ответ что-нибудь успокоительное, типа: не переживай, любимая, ты со мной, и все будет хорошо. Я тебя никому не отдам. Может, ничего и не было, я покала плечами, тяжело встав с пола, поплелась в душ. Странно, но усталости не чувствовалось, наверное, это действие адреналина. То, что произошло ночью,казалось нелепым, как дурной сон, а сны, как известно, развеиваются на рассвете. Солнце встало, лучики весело заскользили по стене, врываясь в дом радостным утренним светом, на часах стрелка подходила к восьми. Нетерпеливо зазвонил будильник.

— Маруся, дай кофе, — Роман с трудом открыл один глаз, другой он тер ладошкой.

Терпеть не могу это шутливое прозвище. Ромка с трудом выполз из постели, почесав хорошо наметившийся пивной животик, сделал три приседания и два наклона, я вяло поплелась на кухню.

— Ты чего такая сmurная? — Он пришел следом, чмокнул меня в затылок. — Не выспалась? — Ромка сонно щурился.

— Я вообще не спала.

— Бессонница? — Он ухватил чашку и плюхнулся на стул, шумно прихлебывая горячий кофе, а еще у него в руках появилась газета, и он благополучно забыл о моем существовании. Мне почему-то расхотелось рассказывать ему, да и зачем? Все это нелепость. Утренний свет сделал совершенно нереальными события прошедшей ночи, страхи развеялись в обычной жизни — спокойной, упорядоченной, даже скучноватой. Не ответив, я вернулась в комнату, скорее чтобы успокоиться, обшарила ящик стола, где хранились мои документы. Паспорта не было, внутри неприятно екнуло.

— Ром, я хочу поехать в Турцию, — на ходу сымпровизировала я.

— Поедем позже, я сейчас очень занят, ты же знаешь, у меня заказ, нужно успеть в срок, если поедем, то без меня все запорют.

Его непосредственность меня успокоила. Он бы еще долго бухтел на эту тему, но я его перебила:

— Где мой паспорт, я что-то его не вижу.

— Он сто процентов где-то в доме, я его недавно видел, а может, я его в сейф случайно захватил со своими бумагами, нужно поискать. Это все потому, — назидательно добавил он, выглядывая из кухни, — что твои документы валяются где попало.

— Кто бы говорил, — возмутилась я. Хотя это чистая правда.

— Елки, я опаздываю, — крикнул Роман из ванной, — сделай по-быстрому завтрак.

Я встала к плите. Из дома мы вышли вместе. День выдался по-летнему пригожий.

— Радость моя, я завезти на работу тебя не смогу, просто не успеваю, у меня сегодня важная встреча, а еще Людмилу Петровну захватить надо, ты же понимаешь.

Он быстро наклонился, небрежно чмокнув меня куда-то в висок. Настроение резко испортилось, обида подступила к горлу. У меня в памяти всплыл образ той самой Людмилы Петровны, главного бухгалтера моего мужа. Молодящаяся тощая рыжеволосая фифа, завитая, как баран, с вечно кислым выражением лица. Меня аж передернуло, терпеть ее не могу. Но муж говорит, она супербухгалтер и незаменима, столько денег нам сэкономила, и фирма процветала не без ее усилий.

— Ладно, — махнула я рукой и поспешила на остановку.

Автобус с утра — нелегкое испытание, как я ни спешила, все-таки чуть-чуть опоздала. Алла Георгиевна скрчила недовольную гримасу, она-то приходила на работу за полчаса.

— Ну, милочка, как это вам удается хоть на десять минут, но опоздать? — Моим непосредственным начальником она не была, хотя выслушивать

охи-вздохи по поводу десяти минут было неприятно. Я пожала плечами и пошла на свое рабочее место.

Лето стояло в самом разгаре, большая часть сотрудников разлетелась по отпускам. Завидуя им белой завистью, я с грустью посмотрела в распахнутую балконную дверь, взгляд упал на календарь.

— Боже! — Я вдруг сообразила, что у мужа день рождения через две недели, а подарка у меня нет, я уже молчу про Ритку, у нее сие событие вообще на носу. Открыв кошелек, я застонала от редкостной нехватки денег. Получая определенную сумму каждый месяц как совладелица фирмы, зарплату у мужа я давно не брала и сейчас об этом очень пожалела.

Я улыбнулась, вспомнив, как мы с ним познакомились на выставке. Хотя все началось немного раньше. Я решила открыть фирму. Сначала продала свою квартиру в центре, потом сняла угол в коммуналке и активно занялась бизнесом. Вот тогда мы встретились с Ромкой, он был худенький и настойчиво ухаживал за мной, а я его не замечала, но он не сдавался. Чтобы быть ближе, он устроился работать в мою фирму, а потом внес небольшую сумму и стал совладельцем, а через некоторое время и мужем. Ромка в бизнесе просто ас, он сколотил дружную команду, и мы процветали. Он трогательно освободил меня от забот. И я, наконец, перестала работать как вол, хотя потом все же пошла на полставки в поликлинику, чтоб не киснуть дома. На работе мне все откровенно завидовали, мол, не работает, а с жиরу

бесится, подцепила богатого заботливого мужика. Ну что я могу сделать, конечно, мне повезло, но для этого я долго и упорно трудилась. На этой сентиментальной ноте я набрала мужа.

— Ром, мне нужны деньги.

— Сколько?

Я назвала сумму.

— Ого, — присвистнул он, — зачем тебе столько?

Я вдруг вспомнила, что у нас юбилей совместной жизни и удвоила сумму. Ромка озадаченно хмыкнул: «Больше спрашивать не буду, понял. Саня-курьер завезет после обеда».

После работы, довольная как слон, я отправилась по магазинам присмотреть что-нибудь подходящее, сумма позволяла разгуляться. Зная, как Ромка любит дорогие подарки, я раздумывала, что подарить. Мне хотелось порадовать его чем-нибудь значительным, но я никак не могла выбрать. Вспомнилось, как в прошлом месяце он потерял мобильный, а я ему подарила крутой, последней модели, счастью не было предела. Ромка все время откровенно хвастал, при случае и без выставляя мобильник напоказ. Я задержала взгляд на сверкающей витрине, размышляя. Может, купить дорогие швейцарские часы или перстень с хорошим бриллиантом, хотелось бы машину. Хотя сумма была приличной и у меня имелась заначка, о которой муж не знал, я все равно немного не дотягивала до своей мечты. На часах можно выгравировать что-то